

«ШКОЛЬНЫЙ РОМАН» ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Мой «роман» с английским языком начался в третьем классе. Было это в 1952 году. Я жила на Съездовской, ныне снова Кадетской, линии Васильевского острова и ходила в 22-ю школу, в здании которой теперь находится факультет журналистики Санкт-Петербургского университета. Школа была недалеко, но чтобы до нее дойти, надо было перейти с одной стороны улицы на другую, а точнее со Съездовской линии перейти на Первую. Ближе к дому была 35-я школа, чтобы попасть в нее, дорогу было переходить не надо, но она была мужская. В те годы в больших городах девочки еще учились в женских школах, мальчики — в мужских. Так и писали на обложке дневников, тетрадок и документов — «женская школа №22».

В.М. ШАДРОВА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Связи с общественностью», гуманитарный факультет ЛЭТИ

В начальных классах все предметы, кроме пения, рисования и физкультуры, вела наша первая учительница и классная руководительница Анастасия Петровна, и только с появлением в расписании третьего класса английского языка пришла и новая учительница-предметник Валентина Павловна. И еще — учебник! Книга хорошего формата, в твердой обложке, темно-зеленого цвета, на которой было написано English. До сих пор помню фамилии авторов этого учебника, звучали они не совсем обычно — Годлинник и Кузнец. Странно, но я больше не помню ни одной фамилии авторов других школьных учебников, по которым училась десять школьных лет. Наверное, этот учебник сейчас можно найти в Национальной библиотеке и посмотреть, как расшифровываются инициалы авторов, но пусть эта гендерная неопределенность фамилий такой и останется.

Учебник по английскому разительно отличался от всех прочих, бывших до и после. Шрифт был четкий, бумага — отличного качества, а цветные картинки — яркие и праздничные. По такому учебнику хотелось учиться, учиться и учиться. Это был первый и последний учебник в моей жизни, который красотой и нарядностью превосходил любую из моих детских книжек для чтения, даже роскошную по тем временам «Малахитовую шкатулку» Бажова в подарочном издании. Мой умный старший брат, посмотрев куда-то в конец книги, определил, что она была напечатана ... в Германии! Место издания и название типографии указано не было — вместо этого стоял только какой-то длинный ряд цифр.

Уроков английского я всегда ждала с нетерпением. В нашем третьем «А» было, кажется, двадцать четыре ученицы, ни на какие языковые подгруппы нас тогда не делили, уроки Валентина Павловна вела спокойно, неторопливо и доброжелательно. Когда объем наших знаний английского алфавита достиг шести букв,

в книге появилась первая фраза, которую я помню ее до сих пор: «Kate, take a plate!» Она звучала как музыка, я повторяла ее на разные лады, за какие-нибудь два дня ее выучила наизусть вся наша семья, а также все соседи по коммунальной квартире. К концу года наш класс уже умел кое-что прочесть, написать и сказать по-английски.

Лето, каникулы... Здравствуй, школа и 4-й класс! И тут сюрприз — Министерство образования вычеркнуло иностранный язык из программы начальной школы, теперь все его будут изучать только с пятого класса. На дворе был 1954 год. Английский испарился из нашего расписания.

Снова лето, каникулы... И опять новость — девочки и мальчики больше не будут учиться отдельно! Для подкрепления прогрессивной идеи совместного обучения была даже написана песня, которую часто можно было услышать по радио в исполнении детского хора: «Ровесники, ровесники, девчонки и мальчишки, одни поём мы песенки, одни читаем книжки. Девчонки, мальчишки, мальчишки, девчонки, нам всем подружиться пора, всегда у нас весело в школе, да здравствует дружба, ура!».

Половина нашего класса осталась в прежней, 22-й школе, а другая половина, в том числе и я, была переведена в 35-ю, как тогда говорили, «к мальчишкам». Кроме всего прочего, считалось, что приход девочек с первого по восьмой классы (старшие классы обеих школ не трогали, «пусть спокойно доучатся») облагородит жизнь 35-й школы с ее суровыми мужскими нравами и законами. В этой школе до войны училась Таня Савичева, чей маленький блокадный дневник стал документом эпохи, а много позже нашего класса ее окончил Константин Эрнст, плавно потом перекочевавший на другую сторону улицы с тем, чтобы получить высшее образование на факультете журналистики и стать известным телевизионщиком.

«Автор с пеликаном», Северная Каролина, США,
— куда этот роман завел прошлым летом

Здание 22-й школы, где начался мой «роман»
и где теперь расположен журфак Университета

Итак, новая школа, новые учителя и заново — английский язык. Учебник по языку для пятого класса, как и все следующие за ним, разительно, неправдоподобно отличался от того, праздничного, для третьего класса. На серой бумаге, с сереньким шрифтом и серенькими невыразительными картинками — все они были смертельно скучны. Они почти не отличались от учебников по химии и геометрии. Но учительница — Анна Семеновна Симоненкова — была великодушна! И только благодаря ей занятия по языку остались моими любимыми. Кроме ненормально неинтересных учебников мы читали разные адаптированные книжки, что скрашивало скуку учебниковых текстов.

На одном из этажей нашей школы стены коридора-рекреации были увешаны застекленными репродукциями картин Русского музея и Эрмитажа. И Анна Семеновна предложила желающим стать «гидами» школьной картинной галереи. Естественно, на английском языке. Конечно, одним из этих гидов стала я.

В те годы в городе было мало мест и событий, где можно было бы услышать английскую речь. Одним из таких мест был кинотеатр на Садовой, где иногда показывали фильм об адмирале Нельсоне с Вивьен Ли

и Лоуренсом Оливье. А из событий вспоминаются триумфальные гастроли Королевского Шекспировского театра из Стрэтфорда-на-Эйвоне.

В старших классах надо было уже думать, куда поступать после школы. Душа «разбегалась» в разные стороны. Больше всего хотелось поступить туда, где изучают иностранные языки. При этом было отчетливое понимание, что особой потребности в таких специалистах не было, сфера применения языковых знаний сводилась, в основном, к преподаванию в школе или вузе. Еще хотелось самостоятельной жизни, были серьезные намерения уехать поработать в Сибирь или даже Якутию. Мое поколение выпускников — детей войны — было малочисленным, а стране были очень нужны рабочие руки, так как повсюду шли большие стройки. К счастью, хватило собственного ума, чтобы сообразить, что без специальности там делать особенно нечего. Еще меня очень интересовала таинственная наука генетика, которую мы в школе не «проходили», ведь она только недавно перестала быть, наряду с кибернетикой, «продажной девкой империализма».

Итак, получив аттестат, я отнесла его на биологический факультет Университета и весь июль прилежно ходила на подготовительные занятия

и консультации по физике и химии. А в предпоследний день месяца забрала документы с берегов Невы и перенесла их на берега Мойки, в приемную комиссию факультета иностранных языков Герценовского института. Почему не на филфак Университета, в пяти минутах ходьбы от дома? Шансов поступить туда у меня было мало, как мне объяснил знакомый моих родителей, работавший в Пушкинском доме, знавший ситуацию изнутри и посоветовавший идти на ... албанское отделение, где и перспективы в отношении последующей работы, по его мнению, было больше. Тогда действовало постановление Правительства, согласно которому весьма значительные преимущества при поступлении в высшие учебные заведения предоставлялись «лицам с производственным стажем», так называемым «производственникам»; они зачислялись в первую очередь. Предполагалось, что сначала школьник должен два года поработать, узануть жизнь, а только потом выбирать себе специальность.

Наскоро ознакомившись с требованиями к вступительным экзаменам по иностранному языку и истории, которые не надо было сдавать на биологическом, я отправилась писать сочинение и сдавать экзамен по литературе. Через три дня был

английский. Я решила сдавать экзамен в первых рядах, чтобы долго не мучиться. Тяну билет, получаю текст для перевода, сажусь переводить... а там что-то про игру в карты. А я в этих картах и их названиях и по-русски не разбираюсь, такой, вот, у меня пробел в образовании. Перевела весь текст, за исключением этих несчастных названий, остальное было легко, получила отлично. Уже после сдачи всех экзаменов нашла книгу, из которой мне попался отрывок для перевода — «Алису в стране чудес», до этого я ее не читала. В середине августа увидела свою фамилию в списке поступивших.

В нашей 1-й английской группе ленинградцев, кроме меня, Наташи Гековой и Маши Мартыновой, не было. А вчерашних школьников в группе и того меньше — только я да Маша Мартынова. Остальные приехали из других областей, городов и республик и имели трудовой стаж от года до четырех, а то и пяти лет. Моя новая подруга Надя Чернядьева была из Литвы, годом раньше она уже делала попытку поступить на этот факультет, сдала все экзамены, но не была зачислена, вернулась в Вильнюс и год зарабатывала там производственный стаж на Центральном телеграфе.

На первом курсе мне приходилось ездить с Васильевского острова на далекий проспект Стачек. Там, в помещении расформированного к тому времени 2-го Института иностранных языков, находился наш факультет, на отшибе от основного «кампуса». Ближайшая от моего дома станция метро находилась на площади Восстания. Дорога до института занимала больше часа. Кроме Наташи, Маши и меня все жили в общежитии, которое располагалось в том же здании, но этажом выше. И вот картина маслом — темное декабрьское утро, «первая пара», в аудитории — Маша и я. Иногда компанию «ранних пташек» развлекала и Наташа, но она была, скорее, «вольной», чем «ранней» пташкой. Ведь она была на четыре года старше нас, вполне самостоятельна, занимала комнату в коммунальной квартире на Херсонской (мама погибла под обстрелом в блокаду) и сама решала — идти на занятия или послать лишний часок. А где же остальные «девы»? Они еще в халатиках, наводят перед зеркалом «марафет» в своих комнатах на третьем этаже. Было бы преувеличением сказать, что это было системой, но иногда — было, чего скрывать.

На втором курсе и далее мы учились уже в центре города, на Мойке, куда переехал наш факультет. К сожалению, нашей семье в это время пришлось переселиться с Васильев-

кого именно в район проспекта Стачек, но это уже другая история.

Программа по языку была насыщенной, и хотя международные связи тогда были на нуле, наши преподаватели по языку были специалистами высокого класса, занятия с ними были интересны и полезны. Книжки современных авторов на английском языке, изданные за рубежом, тогда можно было найти только в магазине «Старая книга», да и то в единственном экземпляре, поэтому всю литературу мы изучали по произведениям, выпущенным советским издательством «Прогресс». Конечно, в основном это была английская и американская классика — Диккенс, Голсуорси, Уайльд, Кронин, Джек Лондон, Драйзер, ну еще «битники»... И почему-то в список попала книга The Path of Thunder — «Тропоею грома», автора не помню, — о борьбе коренных южноамериканцев за свою независимость, где значительная часть сюжетной линии отводилась любви чернокожего парня и белой девушки.

Интересные лекции по истории языка читал профессор Ильиш, читал несколько отрешенно, глядя куда-то поверх голов. С таким же выражением он слушал музыку — его часто можно было встретить на концертах в Филармонии. Лексикологию вела Ирина Владимировна Арнольд, ее лекции на английском языке были блестящим образцом подачи учебного материала в отлично организованной форме. Очень основательно было поставлено изучение второго иностранного языка — немецкого. В нашей группе практику вел «сам Павлов», Владимир Михайлович. Он, как и его коллеги, относился к делу очень серьезно, спрашивал без поправок, задавал много, проверял строго. При желании можно было с нуля достичь достаточно хорошего уровня владения немецким. Так, роман Ремарка Drei Kameraden, который я раньше не читала по-русски, был прочитан мной впервые именно как домашнее чтение по немецкому языку.

Из преподавателей неязыковых специальностей запомнились своей колоритностью двое (имен, увы, не помню). Первая читала лекции по одной из общественных наук и отличалась неожиданными высказываниями вроде: «Я могу ошибаться, но я не уклонист». Легендарным был эпизод, когда один студент, потянувшийся открыть форточку, так как в аудитории было ощутимо душно, услышал в свой адрес следующее «Для Гедройца форточка важнее идейной борьбы», о которой как раз в ту минуту шла речь.

Вторым был преподаватель-медик. На третьем-четвертом курсах из

нас стали готовить медсестер запаса. Мы прослушали курс анатомии, гигиены, инфекционных заболеваний, основ фармакологии и прошли практику в больнице. Надо отдать должное преподавателям этих далеких от нашей будущей профессии предметов — они были преданными своему делу людьми и старались учить нас на совесть, вложить в наши головы полезные как в мирной, так и в военной жизни знания, а руки — обучить «ставить уколы», накладывать гипс и делать перевязки. Я до сих пор помню, как забинтовать голову, чтобы получилась «шапочка Гиппократ». Если на всех теоретических занятиях мы просто слушали и, в меру усердия, записывали получаемые новые сведения, то на лекциях и занятиях по анатомии часть аудитории неудержимо веселилась, особенно когда преподавателем применялся прием вопроса, который получил упрощенную формулировку: «За чего я держусь?» Преподаватель, вынимая очередной предмет из мешка, содержащего муляжи костей человека, задавал вопрос аудитории, хитро поглядывая на великовозрастных студентов. Поскольку костей было много, а знаний явно недостаточно, ответ обычно заключался в угадывании, причем высказывались разные предположения, что еще больше веселило публику.

«На картошку», обязательную в те годы для студентов всех курсов и вузов, наш курс почему-то ни разу не посылали, но летнюю практику в пионерлагерях в качестве вожатых, приставленных к воспитателям отрядов, мы прошли три раза. Впечатления и воспоминания остались хорошие, отличающиеся от недавно показанного по ТВ фильма «Синие ночи». Все серии я не смотрела, но мне показалось, что в нем много фальшивых стереотипов, с какими-то неестественными пионерами в парадной пионерской форме «белый верх — синий низ», которую в реальной жизни надевали только по торжественным случаям. В «моих» лагерях, включая тот маленький, всего из четырех отрядов, хотя он был от «Большого дома» и назывался «Дзержинец», всё было душевнее и проще: никаких ссор, интриг и сплетен не помню, все просто честно работали и даже успевали привязаться за смену к своим октябрютам-пионерам. А те бегали по лагерю в платьях, сарафанах, трусах, майках, повседневный «протокол» не требовал ношения галстука.

На пятом курсе началась педагогическая практика. Проходить ее мы были должны в школах Ленинградской области. Одна половина потока работала в осеннем семестре,

другая — в весеннем. Думаю, фокус такого распределения заключался в том, что таким образом отделаем народного образования удавалось на целый учебный год хотя бы частично заполнять вакансии учителей иностранного языка в школах области. Я проходила практику весной, в поселке Веймарн Кингисеппского района. Жила недалеко от станции, до школы надо было идти километра три-четыре, сначала через поселок, потом через поле. Хозяйка домика, куда меня определили жить, ночью где-то что-то сторожила, а днем, когда я была на работе, отсыпалась, поэтому виделись мы с ней редко, но с удовольствием вместе гоняли чай и разговаривали. Классы мне дали и с английским, и с немецким языком. Дети были разные, но интересные. Не забыть, как один пятиклассник написал сочинение о своей собаке: «I have a dog. Her name is Жулька. She ходит со мной на рыбалку. I очень люблю my dog».

Моя практика проходила успешно, первый раз в жизни я видела настоящую, загородную весну — с ручьями, красноталом в поле и жаворонками в небе. Раз в две недели на выходной я ездила домой в Ленинград. Однажды на домашний адрес пришла бумага с предписанием явиться такого-то числа в институтский отдел кадров. Тут надо вернуться к учебе и сказать, что училась я увлеченно и неплохо, все время на повышенную, а начиная с четвертого курса — Ленинскую стипендию, и получила рекомендацию на единственное в тот год место в аспирантуре. Это освобождало от обязательного «распределения», в результате которого я вполне могла оказаться, как и мечтала, в Сибири, Якутии или на Сахалине. Но прочитанный за годы учебы Моэм, его «колониальные» рассказы, где действие происходит в тропиках и пахнет пряностями, и ночи совсем не такие, как на нашем севере, киплинговское стихотворение «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда», его же — о дороге в Мандалей, где стоянка кораблей... так закружили голову, что породили страстное желание попасть совсем в другие края. И шанс представился — в виде заявки от Министерства транспортного строительства на толкового выпускника/выпускницу для работы в качестве переводчика в Непале. Где-то в начале года я дала согласие, и вот меня вызвали в отдел кадров, чтобы начать оформлять документы. И понеслась душа в рай...

Сидя темными вечерами в домике Ирины Константиновны, где, естественно, не было ни телефона, ни, тем более, телевизора, но зато был кот, я уже думала о том, что меня ждет

в Непале, как сложится там жизнь и работа — ведь командировка была на целый год.

Андрей Корольчук «Мой ангел», бумага, тушь, перо, 2006

Быстро закончилась четвертая четверть, я снова в городе, лихорадочно завершаю дела в институте, досрочно сдаю экзамены, а книги — в библиотеку, получаю свой «красный» диплом, покупаю Большой политехнический словарь вдобавок к толстому англо-русскому и русско-английскому Мюллера — и в ночь с 21 на 22 июня, самую короткую в году, вылетаю из Москвы в Дели, и через три дня я уже в Катманду, столице гималайского королевства. Но это уже совсем другая история.

P.S. В аспирантуру филфака Ленинградского университета я поступала уже позже и на общих основаниях, имея за плечами большой «производственный стаж» в виде работы на строительстве автодороги Восток-Запад в Непале, затем — переводчицей в институте Ленпромстройпроект, затем — на кафедре иностранных языков ЛЭТИ. Полюбившийся в третьем классе английский дал мне возможность работать с группой специалистов в Иране, повышать квалификацию на летних курсах в Оксфорде, стажироваться и работать в США, побывать на научных конференциях в самых разных городах Советского Союза, вплоть до Комсомольска-на-Амуре, и приобрести друзей.

Стихотворение, которое я написала своим одноклассникам по случаю нашего сбора у меня спустя много лет после окончания 35-й школы:

В текущий юбилейный год
Настал собратиться нам черед.

Нас мало было в сорок третьем
Детей суровых дней войны, —
И потому на белом свете
Держаться дружно мы должны.

Когда гремел салют Победы,
Под стол ходили мы пешком,
Не понимая целиком
Отчизны радости и беды.

Шло время, детки подрастали,
Учили первые слова,
И вот нас в школы записали —
Вас — в 35, нас — в 22.

В начальных классах просвещение
Шло при раздельном обучении,
Но в пятом классе наш Минпрос
Решил по-новому вопрос.

И вот под крышу 35-й
(Где грызли суть наук ребята)
Пришли девчонки-блудницы —
И расцвели мальчишек лица.

Наш класс единственным был в школе,
Не «а», не «б», а просто класс.
Внимательно и с доброй волей
Учителя учили нас
Всему.
Но вот пришла пора
Нам разлететься со двора.

Зрелость... Всё! Живи потише,
Образумься наконец, —
Ты ж теперь и для детишек,
И для взрослых образец!